

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман «Пролог» составляет вершину творческого развития Чернышевского-беллетриста. Однако следует указать, что беллетристическая работа Чернышевского не исчерпывается рассмотренными произведениями. До нас дошли, правда в неполном виде, главным образом те произведения, которые были написаны Чернышевским до окончания срока каторги и переправлены им с помощью освободившихся товарищей по заключению в 1871 г. По этим отрывкам, а также по воспоминаниям товарищей Чернышевского по заключению установлено, что третью часть трилогии (после «Старины» и «Пролога») должны были составить «Рассказы из Белого зала».

В. Шаганов рассказывает, что действие третьей части переносится за пределы России, куда после разгрома кружков революционной демократии в России переезжает семейство того помещика, у которого жил Левицкий, очевидно Илатонцева. Поселившись в Сицилии, они стремятся наладить знакомство с передовыми деятелями различных стран Европы.

«Рассказы из Белого зала», — пишет А. Скафтымов, — начинали повествование с эпизодов и сцен, демонстрировавших напрасные усилия и горькое разочарование в надеждах и попытках немедленно перестроить мир и устроить общественное благо»¹.

В. Шаганов сообщает: «В финале событий, которыми кончается роман «Пролог», ни одна группа лиц, ни представители этих групп не остаются удовлетворенными этими событиями и оставляют сцену с желанием продолжать борьбу и против общего порядка, и друг против друга. Неудовлетворенные желания становятся острее, и борьба должна стать серьезнее; но поэтому-то у честных партий, замешавшихся в борьбу, и союз-

¹ А. Скафтымов, Сибирская беллетристика Н. Г. Чернышевского, Ученые записки Саратовского Государственного педагогического института, вып. 5, 1940, стр. 18.

ников становится менее. Они должны начинать как будто снова, как будто еще ничего не было начато. Прежняя неорганизованная масса либеральных кружков становится в сторону от борьбы, и центр тяжести борьбы переносится в ряды молодежи. Тут еще является новый усложняющий фактор — польское восстание. Благовидности преследования развязываются руки, и оно начинается. К весне 1863 года гибнут последние кружки русской молодежи. Более крупные личности погибли еще за год ранее. И вот в эту-то темную ночь наступившей реакции одно богатое русское семейство удаляется за границу»¹.

В результате такого развития событий герои приходят к убеждению, что все планы лучшего устройства жизни в России и в Европе не могут быть осуществлены немедленно. Поэтому они принимают решение создать на одном из необитаемых островов Тихого океана нечто вроде социалистической общины для того, чтобы воспитать новое поколение в духе социализма.

О такой развязке третьей части трилогии свидетельствуют и воспоминания П. Николаева.

Этот сюжет, очевидно, должен был составлять лишь композиционную рамку повествования. Главное же содержание должно было отражать реальные условия политической жизни России и Европейских стран, переданное через рассказы о замечательных людях революционного движения у нас и на Западе, рассказы самих участников революционной борьбы, которые предполагалось дать в форме вставных сюжетов.

Необычайно обширная по замыслам, разнообразная по темам и колоссальная по количеству беллетристическая работа Чернышевского продолжалась не только на каторге, но и в Вилуйской ссылке, начиная с 1872 г.

Несмотря на то, что срок приговора истек, Чернышевский не только не был выпущен на вольное поселение, но, наоборот, был переведен в гораздо худшие условия — в далекий Вилуйск. Рухнули его надежды на возможность участия в литературной жизни. Даже упоминание имени всемирно известного писателя в русской печати было запрещено. Уже в последние годы жизни Чернышевский вспоминал в письме Пышину о своем положении в Вилуйске: «Кстати, о золотых приисках. В одном из моих писем из Сибири к кому-то из вас, — к тебе ли, или к Ольге Сократовне, не помню, — есть выражение, что по окончании срока моего пребывания в Нерчинском округе я буду получать большой доход от «золотых

¹ В. Шаганов. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке, СПб. 1907, стр. 23.

рудников»; это метафорическое выражение, вынужденное невозможностью употребить прямой термин «от моего литературного таланта»; я воображал тогда, что немедленно по окончании срока каторги и перечислении меня в разряд поселенцев я получу право продолжать мою литературную деятельность с моей подписью под статьями и романами» (XV, 766—767).

Чернышевский героически боролся за право участия в литературной жизни страны. Он работал в Вилуйске чрезвычайно упорно и много. Он писал жене в 1875 г.: «Я умею быть недурным рассказчиком; от нечего делать я сложил в своих мыслях едва ли меньшее число сказок, чем сколько их в «Тысяче и одной ночи», есть всяких времен и всяких народов; ...будет все только такое, что нисколько не может относиться ни до каких-нибудь русских дел, ни до каких-нибудь нерусских, кому-нибудь неудобных.

Мне понятно, разумеется, что надобно мне будет соблюдать некоторые формальности, касающиеся моей фамилии. Я вижу, что мое имя не упоминается в русской печати. Мне ясно, что это значит» (XIV, 584).

Для того, чтобы установить, есть ли какая-нибудь возможность что-либо печатать, хотя бы под псевдонимом, Чернышевский в 1875 г. отправляет Стасюлевичу — редактору и издателю «Вестника Европы» поэму «Гимн Деве Неба» — произведение, действительно не заключающее в себе намеков на русскую жизнь. Это было пробой: если даже такую вещь нельзя напечатать под псевдонимом, значит дело уже не в том, что и как он пишет. «Серьезно ли я надеюсь? — писал он Пыпину. — Очень серьезно. Потому что, если б я обманулся в моей надежде, то это было бы дело очень серьезное. Видишь: два, и три, и четыре раза, и десять раз, и двадцать раз я твержу все одно и то же» (XIV, 605).

Месяц спустя, Чернышевский снова возвращается к этой мысли: «Как увижу, что «Гимн Деве Неба» напечатан, пойдут к тебе массы» (XIV, 619), — пишет он Пыпину 10 июня 1875 г.

В это же время он посылает Пыпину отрывок из «Академии Лазурных Гор». По замыслу Чернышевского это произведение должно было состоять из целого цикла сказок, легенд, песен — полуфантастического, полуаллегорического характера. Он изобретает для этого цикла псевдоним, который должен представить этот сборник произведением английского писателя и готов ввести в него сколько угодно английского колорита для оправдания псевдонима: «Кроме нескольких английских песен будут в «Академии Лазурных Гор» целые страницы английских каламбуров. Так нужно для того, чтобы видно было: да, Дензиль Эллот — англичанин; — но, само собою, это

будет делаться кстати, чтобы не было тут никакой натяжки, нарушающей поэтическое правдоподобие» (XIV, 616).

Все это, конечно, тоже служило одной главной задаче — проверить, возможна ли для него литературная деятельность в какой бы то ни было форме. Проверка показала, что никаких путей в печать для него не оставалось. Царское правительство так боялось Чернышевского, его имени, влияния его на молодежь, что закрыло все пути для его литературной работы.

Чернышевский пробовал посылать написанное им официально, через непосредственное полицейское начальство, но все им посланное «погрязло в канцелярской рутине» (XV, 630). Он пытался добиться разрешения печатать свои произведения, договорившись о добровольном одиночном заключении, о полном отказе от всякого иного общения с окружающим миром. «Что может быть нужно? Чтоб я не выходил из моей комнаты, — так я думал; и чтоб я не виделся ни с кем, — так я думаю! Около половины прошлогоднего (1875) лета я засел в моей комнате; не абсолютно безвыходно, но почти безвыходно. Я выходил раз в месяц на полчаса отдать деньги двум старухам за обед и за молоко. Только. И понемногу довел дело до того, что перестал принимать в свою комнату кого бы то ни было, кроме якута, подающего мне самовар и обед и не умеющего говорить по-русски (а я по-якутски не знаю ни одного слова)... И более чем полгода добровольно просидел в одиночном заключении... Это — для доказательства, что я серьезно говорил и повторяю: все, что нужно для печатания моих произведений, я готов исполнять и имею силу исполнить» (XIV, 630—631).

Но и это не помогло. Глухая стена, возведенная тюремщиками вокруг Чернышевского, не пропускала ни одного его произведения в большой мир. Все написанное и переданное по начальству погибало бесследно. И все-таки Чернышевский продолжал упорно и страстно работать: «Сколько ночей работал я напролет в эти три месяца, я не считал. Не было ни одних суток, в которые работал бы я меньше пятнадцати часов» (XIV, 615).

Временами, когда снова и снова подтверждалась непроницаемость окружающей его полицейской стены, его энергия беллетриста и ученого, готовность писать для того, чтобы сжечь или передать на уничтожение тюремщикам, пропадала. В 1876 г. он писал жене:

«За Байкалом я тоже исписывал очень много бумаги, почти каждый день без пропуска. И со мною жили товарищи, читавшие мои сказки (то были почти все только сказки; некоторые были хорошие; но—время шло, содержание их ветшало,

и я бросал в печь одну за другою)... Здесь иногда я принимаюсь писать сказки; но это не долгие периоды, а — месяца два, много три; а между ними — сначала были полугоды, а после и целый год, а вот, напоследок, и года полтора, я полагаю, — такого времени, что я не имел охоты писать для бросания в печь» (XIV, 660—661).

Но затем Чернышевский снова начинал работать с прежней энергией, работать, чтобы сразу сжигать написанное, в расчете на свою феноменальную память, в расчете на то, что такая полная изоляция не может быть вечной. Надежда, что рано или поздно он добьется возможности вернуться к литературной деятельности, поддерживает в нем энергию и трудоспособность: «Я пишу все романы и романы. Десятки их написаны мною. Пишу и рву. Беречь рукописи не нужно: остается в памяти все, что раз было написано. И как я услышу от тебя, что могу печатать, буду посылать листов по двадцати печатного счета в месяц» (XV, 87).

Из всего огромного количества произведений, по преимуществу беллетристических, написанных Чернышевским в Вилнойской ссылке, до нас *ничего не дошло* кроме начала романа «Отблески сияния», над которым Чернышевский работал в 1882 г. Рукопись была передана в 1916 г. в Академию наук Д. И. Меликовым — действительным членом географического общества и членом Якутского суда, который получил ее от Чернышевского в 1883 г.

Д. И. Меликов в своих воспоминаниях рассказывает о Чернышевском этого периода: «Много жаловался Н. Г. на скуку и безделье, указывал на то, что пробовал писать и отправлять в печать через непосредственное начальство. Рукописи брали, а печатать не печатали и не возвращали, а потому он продолжал *писать и сжигать все написанное*¹.

Чернышевский рассчитывал через Меликова частным образом переправить рукопись в Петербург. На листке рукописи было письмо Пыпину: «Это моя посылка. Здесь абсолютная тайна. Пусть будет так и в Петербурге; тогда возможно печатать... Продолжение будет через два, три месяца. Это громадный роман, это «Отдел второй, Общий эскиз», и он лишь действительно эскиз, в котором сделаны легкие очерки главных контуров тем, которым счет — десятки и десятки, и которые — или повести, или сказки (вслшебные или просто фантастические) и целые романы. Это будет «Отдел третий. Фантазии»... Эту рукопись я советовал бы напечатать, не дожидаясь продолжения. Псевдоним для подписи — какой угодно. Об этом вымышленном авторе можно напечатать в примечании к пе-

¹ «Красный Север», 1921, № 2, стр. 34.

читаемой главе какую угодно историю; например, он молодой человек; он умер; вот то из его рукописей, что отдал он в распоряжение нам; остальные его рукописи в руках у его родных и обещали, разобрав их, отдать нам, или что-нибудь, что угодно — лишь бы облегчить возможность печатания и сохранения тайны».

Однако, пролежав до 1916 года у Меликова, начало романа «Отблески сияния» так и не дошло до адресата и впервые было опубликовано только в 1949 г. в XIII томе полного собрания сочинений Чернышевского.

Нужна была поистине титаническая сила духа, уверенность в своей правоте, в том, что его идеям принадлежит будущее, чтобы в течение целого десятилетия, в условиях безнадежной изоляции от мира, сохранить всю силу работоспособности, продолжать напряженную борьбу против «политической смерти», на которую самодержавие обрекло великого писателя. Политика самодержавия, продиктованная страхом перед революционной демократией и ее вождем, заключалась в стремлении заставить русское общество забыть о том, что Чернышевский еще жив, сделать все, чтобы ничто на поверхности жизни и в печати не напоминало о его существовании. Этой системы самодержавие придерживалось даже после 1883 года, больше двадцати лет спустя после «осуждения» Чернышевского, когда он получил возможность вернуться в Европейскую Россию. С тем же неослабевающим упорством писатель борется за право литературной работы и в последние годы жизни. В 1883 г. он писал из Астрахани Пыпину, надеясь, что теперь он уже сможет так или иначе выступать в печати: «...труд пойдет у меня быстро, потому что будет состоять только в машинальном повторении готового рассказа, который *был уже написан мною*¹ и помнится мне наизусть сплошь целыми страницами. О том, как твердо и подробно помню я его, можешь судить по тому факту, что первую главу я рассказывал Саше² в продолжении более нежели двух часов. При такой твердости памяти писать — это работа легкая и быстрая. Рассказ имеет громадный размер; тома полтора «Вестника Европы» или «Отечественных записок» (XV, 407).

И снова ему приходится столкнуться с той же глухой стеной. «Пока живу трутнем», — горько жалуется он в письме 1884 г. Единственная форма литературной работы, которая была разрешена Чернышевскому его тюремщиками и палачами, — это деятельность переводчика. «Переводить книги — такому ли человеку как я и тратить время на эту грошевую

¹ Выделено нами. — Г. Т.

² Сын Чернышевского. — Г. Т.

работу», — пишет он и снова пытается проверить, насколько непреодолим приказ не печатать ни одной его строчки.

Снова, как в 1875 г., он посылает в журнал тот же «Гимн Деве Неба». В письме к Захарьину от 30 октября 1884 г. Чернышевский писал: «Посылаю вам пьесу «Гимн Деве Неба», прося Вас хлопотать о том, чтобы она была напечатана» (XV, 486.) На этот раз «Гимн Деве Неба» был напечатан под псевдонимом Андреев в «Русской мысли». Но это обстоятельство ничего не изменило в положении Чернышевского. Все другие его попытки остаются безрезультатными. В том же 1884 г. он писал Захарьину: «Вы говорите, чтобы я прислал что-нибудь беллетристическое. Через несколько времени я пришлю повесть из английской жизни. Из английской; без всякого, явного ли, затаенного ли, отношения к чему бы то ни было русскому. Если цензуре не кажется удобным мое имя, то, по всей вероятности, она согласится, что можно напечатать эту повесть под видом перевода из приготовляемого к изданию в Англии сборника английских повестей какого-нибудь английского автора» (XV, 485).

Снова выдвигается идея английского псевдонима и английской бутафории, снова Чернышевский задумывает роман, способный вобрать в себя повести, рассказы, легенды и сказки на самые разнообразные темы. В 1888 г. он писал Пыпину: «Стал писать для «Русской мысли» начало ряда повестей, вложенных в общую рамку, подобную рамке сказок 1001 ночи. Это начало «Вечеров у княгини Старобельской» (так называется рамка) включает в себе совершенно самостоятельную повесть, действие которой происходит отчасти в Лондоне, отчасти в Арле и Марселе, между 1853 и 1858 годами, главным же образом в Арле и в Марселе, в конце июня и первой половине июля 1858 г». (XV, 778).

Об этом замысле Чернышевский писал и издателю К. Т. Солдатенкову, и редактору «Русской мысли» В. Лаврову, указывая, между прочим, на автобиографический характер образа Вязовского: «Вязовский — это сам Полянский, преувеличивающий для лучшего комизма свои забавные странности и неуклюжести. А Полянский — это я, Н. Чернышевский? — разумеется» (XV, 782).

Но напечатать попрежнему ничего не удавалось до последнего дня жизни великого писателя.

Теперь невозможно даже установить, какие произведения Чернышевского навсегда утрачены русской литературой: романы, написанные после «Пролога», погибли в огне, не увидев света. Но и те романы, которые были опубликованы при его жизни, «Что делать?» и «Пролог», — определили громадную роль Чернышевского в развитии русской литературы.

Чернышевский не только теоретически разработал основные вопросы материалистической эстетики, не только обосновал и развил принципы высокоидейной реалистической литературы. Он сам дал блестящие образцы сознательного и последовательного осуществления этих принципов в художественной практике. Наряду с Некрасовым и Щедриным, Чернышевский является классическим представителем наиболее прогрессивного направления русской классической литературы XIX века — теоретиком, организатором революционно-демократической литературы. Он сделал громадный шаг вперед в решении проблемы положительного героя, впервые нарисовав реалистические образы борцов за народную крестьянскую революцию, образы революционеров, демократов, социалистов.

Наряду со Щедриным, Чернышевский содействовал развитию глубоко реалистической политической сатиры, направленной против всех идейных врагов трудового народа, против основ эксплуататорского буржуазно-помещичьего строя и реакционной самодержавной государственности. Он явился создателем жанра политического, публицистического романа.

Естественно, что романы Чернышевского повлияли на развитие прогрессивной художественной литературы не только в России, но и за рубежом. Уже в 1874 г. роман «Что делать?» вышел во французском переводе. Исследователи указывают на заметное влияние его на творчество такого крупного демократического писателя Франции, как Золя¹.

В течение 20-ти лет после первого французского издания роман «Что делать?» появился в итальянском, немецком, американском, шведском, голландском, венгерском изданиях. В конце 60-х и начале 70-х годов роман «Что делать?» многократно переводился на языки славянских народов и его воздействие сказалось как на духовном развитии демократической революционно-настроенной молодежи, так и на прогрессивной литературе этих стран.

Что касается России, то здесь значение романа Чернышевского в развитии литературы и общественной жизни, как уже говорилось выше, было поистине огромным. И после смерти Чернышевского, на левом, пролетарском этапе освободительной борьбы в России, книга его служила воспитанию нового поколения борцов — пролетарских революционеров.

Плеханов писал о романе «Что делать?»: «Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее»².

¹ См. М. П. Алексеев, Н. Г. Чернышевский в западноевропейских литературах, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. Ленинградского университета, 1941.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 114.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях отмечает, что В. И. Ленин относил Чернышевского к своим любимым авторам, говоря, что ему «он так многим обязан в молодые годы своей жизни»¹. В наследии Чернышевского В. И. Ленин очень высоко ценил его художественное творчество. «Он знал до мельчайших подробностей «Что делать?» Чернышевского, — пишет Н. К. Крупская. — Я была удивлена, как внимательно он читал этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил. Впрочем, он любил весь облик Чернышевского»². Оценка романа «Пролог» нашла свое отражение в многочисленных работах В. И. Ленина.

Писатель, — говорил Чернышевский, — может стать гениальным человеком только тогда, когда он «верно поймет положение и потребности своего народа, постигнет всю важность, которую должна иметь литература для его жизни, твердо и решительно укажет литературе, что и как должна она делать, который, руководя деятельностью других, сам гениальными произведениями доставит литературе преобладающую важность между предметами, возбуждающими интерес в своем народе, сделает литературу средоточием национальной жизни» (IV, 72).

Именно таким писателем был Чернышевский. Его произведения знает и горячо любит многомиллионный советский читатель.

Творения великого русского писателя имеют огромное значение для воспитания высоких моральных качеств нашей молодежи, для самой решительной и беспощадной борьбы против пережитков капитализма в сознании советских людей, для борьбы советского народа за успешное построение коммунизма.

¹ Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, Госиздат, 1931, стр. 172.

² Там же, стр. 236, 238.